

ВОЗРАСТНЫЕ КОНСТРУКТЫ В НАРРАТИВАХ СТУДЕНТОК КУБАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

.....

Петрова А. Ю., Плотицкина Н. В.

Петрова Алиса Юрьевна,
Кубанский государственный университет,
350040, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.
Эл. почта: cocodex70@gmail.com

Плотицкина Наталья Викторовна,
Кубанский государственный университет,
350040, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.
Эл. почта: oochronos@mail.ru.

В статье рассматриваются практики телесной репрезентации возраста студентками на различных этапах (детство, подростковость, юность, молодость). Результаты изучения возрастных конструктов получены в ходе качественного анализа биографических эссе информантов. Показан эвристический потенциал биографического метода для анализа телесных репрезентаций возраста. Дизайн прикладного исследования задан трактовкой возраста как биодемографической действительности и результата социального конструирования. В статье описаны исследовательские направления в социологии тела. Теоретическая экспликация термина «возраст» показала наличие различных смысловых коннотаций понятия: объективный хронологический факт, социальная проблема, индивидуальный атрибут, «самоопределяющаяся категория» (субъективное ощущение возраста). Осуществлена эссенциализация научного дискурса относительно социального конструирования возрастных различий; выявлены особенности социологической интерпретации возраста как процесса и результата интерактивной работы. Сформулированы выводы о возрастных конструктах в нарративах информантов. В биографических эссе детство – этап телесной трансформации от ребенка к девочке, открытия своего тела как «тела пола». Подростковость и юность интерпретировались информантами как период телесных экспериментов, осваивания новых телесных практик. Указываются отличия дискурсивного оформления возрастных конструктов детства и подростковости/юности в нарративах информантов. В детстве вектор индивидуальных телесных проявлений задавался родителями, в подростковом возрасте/ юности в телесные дискуссии активно включились сверстники. В эссе девушек молодость характеризуется как этап самоопределения, репрезентации женственного тела-образа, объективной рефлексии и работы над телом. Исследование биографических эссе молодых девушек зафиксировало трансформацию телесных воплощений возрастных этапов, вариативность восприятия информантками возрастных изменений тела.

Ключевые слова: возраст, тело, конструирование возраста, молодежь, детство, юность, молодость.

Тело в исследованиях возраста

В социологии возраста тело является периферийной областью научных теоретизирований, несмотря на то, что процессы взросления или старения индивидов телесно репрезентированы (Keller, Meuser, 2017). С одной стороны, современное общество предъявляет строгие требования к представителям определенных возрастных категорий, индивиды действуют согласно возрастным предписаниям; с другой стороны, в условиях позднего модерна, основанного на идеологии выбора и самореализации, распространения консьюмеристской культуры, тело становится частью рефлексивного проекта по созданию собственной идентичности (Giddens, 1991), ослабевают культурные ожидания относительно возрастных периодов. Исследование конструирования возраста в молодежных сообществах нечасто находится в фокусе научного дискурса, что обусловлено настройкой научной оптики на анализ старости (Кац, 2016), идеей о том, что молодежь легко встраивается в существующие в обществе потребления императивы красоты, молодости, «нормативные дизайны» телесности. При этом образ молодого тела вызывает активный научный интерес исследователей, учитывая привилегию молодости в имеющихся определениях физической привлекательности (Clarke, Korotchenko, 2011).

В социологических науках существуют различные трактовки тела (Gugutzer, 2015): тело как продукт общественной действительности (институциональное дисциплинирование тел, тела в разрезе знания, власти и языка (М. Фуко), телесные символизации социального (М. Дуглас), цивилизование телесного поведения (Н. Элиас); тело как производитель «социального», «драматургическое» тело, телесные репрезентации порядка взаимодействия (И. Гофман) (Гофман, 2000; Фуко, 1999; Douglas, 2003).

М. Ридель, обрисовывая контуры теоретической и прикладной экспликации тела в научных исследованиях возраста, фиксирует незначительное количество работ в европейском научном дискурсе, в которых изучалась бы взаимосвязь тела и возраста (Riedel, 2017). Вместе с тем соматический поворот в социальных науках и культурный поворот в социальной геронтологии вызвали рост исследовательского интереса к социальному конструированию «стареющих» и «взрослеющих» тел.

В этой связи П. Хиггс и К. Джиллеард постулируют необходимость различения возраста как телесности (тело как социальный актант, относительно непосредованная материальность тела) и как воплощения (тело как со-конструктор идентичности; то, как люди «действуют» или «показывают» свой возраст). Воплощение или воплощенный габитус реализуется посредством воплощенных идентичностей и воплощенных практик, связанных с прошлой и настоящей идентичностью. Воплощение охватывает действия, выполняемые телом, которые неразрывно ориентированы на «социальное». Телесность — это те особенности тела, которые изменяются в течение жизни человека и обеспечивают контекст

для воплощения возраста. В интерпретации авторов, студенческие волнения 1960-х гг., развитие телесного общества и потребительской культуры привели к переосмыслению корреляции возраста и тела (Gilleard, Higgs, 2015).

Объективная и фактическая природа возраста делает его идеальным объектом для социологического исследования. В современных теоретизированиях циркулируют следующие трактовки возраста: объективный хронологический факт; индивидуальный атрибут в контексте усвоенных в ходе социализации социальных статусов и ролей; социальная проблема (например, старение); «самоопределяющаяся категория» (субъективное ощущение возраста). Ш. Лаз, проводя параллели между изучением возраста и гендера, рассматривала возраст как процесс и результат интерактивной работы (*doing age*), социальный конструкт, перформанс. Исследовательница выделяла следующие ресурсы работы над возрастом: межличностное взаимодействие, тело, культура, СМИ, реклама, медицина и т.д. (Laz, 1998). Индивиды, интерпретируя внешние и внутренние сообщения тела, работают над возрастом, создают и отстаивают себя, роли и идентичности. Как отмечает Х. Томас, концепт Ш. Лаз указывает на то, что возраст конституируется индивидами в ходе интеракции в определенном социальном контексте, подчеркивает связь между телом, обществом и взаимодействующим «Я» (Thomas, 2013).

Социальное конструирование возраста — непрерывно развивающийся процесс в современных обществах, характеризующийся динамичной возрастной дифференциацией, связанной с социальным признанием новых возрастных категорий (например, «подростковость» Г. Стэнли Холла, «нарождающаяся взрослость» («*emerging adulthood*») Дж. Арнетта). Социальное конструирование и признание каждой вновь идентифицированной возрастной группы параллельны макроструктурным изменениям в социальных институтах (например, в сфере образования, труда, здравоохранения, государственной политики, науки /техники и т.д.), которые стимулируют развитие новой социальной организации возрастных ролей, ожиданий и мероприятий, охватывающих вновь выявленные сегменты населения (Mortimer, Moen, 2016).

К. Р. Шретер различает следующие уровни конструирования возраста: символический (дефиниции, границы возраста); интерактивный (инсценировки возраста); соматический (телесные стратегии возраста); телесно-аффективный (субъективное ощущение возраста) (Schroeter, 2014).

Doing age — конструирование возрастных различий, границ, этапов, которое биологически не обусловлено и интерпретируется как реально возникающие обстоятельства работы (Laz, 1998; Schroeter, 2009). *Doing age* — социальный конструкт возрастных различий, транслируемых через тело, при этом тело приобретает символический характер (Nakao, 2016). *Doing age* институционализируется и материализуется в социальных и культурных различиях, которые определяют люди разных возрастов. С позиции социального конструктивизма

индивиды демонстрируют мнимые и реальные возрасты и классифицируют друг друга в возрастных координатах по маркерам внешнего вида, действиям, одежде, телесным практикам. В этом плане *doing age* — это «визуальная эмпирика» возраста, стратегические практики обращения индивидов с возрастом.

Тело репрезентирует возраст индивида, работа над телом помогает скрывать возрастные изменения. Тело — это социальный медиум и результат индивидуальных действий. Тело свидетельствует о принадлежности индивида к определенной социальной группе, которой свойственны свои социально нормированные образцы возрастной активности.

В российском научном дискурсе проблематикой социального конструирования возраста занимается исследовательский коллектив под руководством Е. Л. Омельченко (Omelchenko, Nartova, Krupets, 2017).

Результаты эмпирического исследования

В фокусе исследовательской оптики авторов статьи находились следующие вопросы: как в биографических эссе молодых информанток конструировались различные возрастные этапы (детство, юность/подростковость, молодость), какие манипуляции с телом производили молодые девушки, чтобы создать нужную возрастную репрезентацию (размеры тела, одежда, аксессуары, косметика, техники тела и т.д.)?

Авторы проанализировали одиннадцать биографических эссе молодых девушек в возрасте 19–22 лет, обучающихся в КубГУ и проживающих в городе Краснодаре. П. Хигате подчеркивает методологическую ценность биографий, фиксирующих повседневное взаимодействие в телесном фокусе (Higate, 1998); критическая и рефлексивная форма биографий имеет социологический потенциал для анализа субъективных репрезентаций, телесных воплощений возраста, когда конструкты телесного возраста осмысляются и выявляются на фоне автобиографического опыта (Кац, 2016). К. Феникс и Э. Спаркс изучали нарративы молодых спортсменов с целью выявления того, как в своих повествованиях информанты концептуализируют старение, какие ресурсы используют, чтобы действовать в соответствии с возрастом, какие формы воплощения возраста могут использовать в будущем (Phoenix, Sparkes, 2006).

На основании качественного анализа биографических эссе авторами были выделены особенности практик телесной репрезентации возраста молодыми информантами на различных хронологических этапах (детство, подростковость/юность, молодость).

В девичьих нарративах детство конструировалось как определенный этап, когда ребенок превращался в девочку посредством «девчачьих нарядов», при этом ключевым агентом конструирования телесности информантов выступали родители (мама). *«Я носила всё, во что меня одевали, потому что деваться было некуда!»* (э-02– д). *«В детстве я не задумывалась о том, как выгляжу*

и что ношу. Одежду выбирали родители, и сегодня я понимаю, что одевали меня хорошо» (э-07-д). *«В детстве я носила наряды, которые выбирала моя мама. Не помню, нравилась мне одежда или нет»* (э-09-д). Авторы эссе писали о том, как мама выбирала им одежду, заплетала косы и наряжала на праздники.

В биографических эссе информантов детство не рассматривалось как период появления комплексов, неприятия собственной телесности. Авторы эссе указывали на то, что в детстве тело, внешний вид не имели для них определяющего значения; и только размышления в ходе написания биографических эссе способствовали их оценке себя как ребенка с позиции телесных конструктов детства. *«Родители заставляли меня носить корсет для выравнивания осанки и съемные пластинки для выравнивания зубов»* (э-07-д). *«Родители решали, что мне надеть, как меня причесать и т.д.»* (э-07-д). *«В детстве я была довольна абсолютно всем, у меня мысли не возникало быть собой недовольной, наоборот, была слишком уверенным в себе ребёнком»* (э-01-д). *«В целом я была очень довольна своей внешностью...»* (э-02-д). *«В детстве я не задумывалась о своей внешности, и поэтому мне не известно, как относились к моему внешнему виду окружающие»* (э-07-д).

В нарративах многих информанток присутствовали репрезентации себя как уверенных девочек, довольных внешностью и пользующихся вниманием мальчиков. *«В детстве я была очень худой и была очень довольна этим и даже гордилась»* (э-08-д). *«В школе я была худой и длинноволосой, с большими белыми бантами на два хвостика, что еще мальчишкам надо? Поклонников у меня была куча»* (э-09-д). *«Я не была в классе одной из типичных модниц, но всегда нравилась мальчикам, была в их внимании»* (э-12-д).

Вместе с тем в текстах отдельных информанток присутствует интерпретация детства как периода появления первых комплексов. Несмотря на то что девушки писали о том, что не уделяли значительно внимания своей внешности и часто не замечали ее, появление отличных от других детей признаков превращалось в комплексы. *«В детстве мне не нравились мои зубы»* (э-03-д). *«С детства на моем лице было много веснушек, я их ненавидела, не знала, как избавиться, это было моим комплексом длительное время»* (э-05-д). *«Был период, когда на руках появились бородавки. Тогда я жутко стеснялась своих рук и прятала их»* (э-09-д). *«Появился комплекс по поводу своего роста»* (э-11-д).

Для информанток детство ассоциировалось с «девчачьими нарядами», яркой цветовой гаммой (розовый, зеленый, оранжевый); классической одеждой для девочек являлись юбки и платья ярких цветов, пышные торжественные наряды. Девушки с нежностью описывали свой детский облик, упоминали конкретные детали, акцентировали внимание на нежных «девчачьих» цветах и фасонах, часто использовали слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами. *«Очень любила джинсовые комбинезончики и вельветовые юбки»* (э-11-д). *«Мама говорит, что я даже из дома не выходила, если у меня резиночки для волос не сочетались по цвету с колготками»* (э-11-д).

Некоторые мелочи, связанные с деталями детского гардероба, до сих пор остались в памяти у информантов (например, любимая футболка или модные браслеты). *«Из любимых вещей у меня была голубая юбка, которую я носила, даже когда она стала мне мала; также была футболка с фееми, она переливалась на солнышке, я её надевала только тогда, когда ходила без верхней одежды, чтоб все видели мою фею!»* (э-02-д).

В девичьих нарративах типичными прическами девочек являлись заплетенные волосы или короткая стрижка «каре». Присутствовали упоминания о неудачном опыте перемены прически. Информанты с длинными волосами писали о косах или кудрях; авторы эссе отмечали, что носили банты или упоминали об этом факте как неотъемлемой части детского образа. *«В период с 7 до 9 лет мне делали стрижку “каре”, она мне очень нравилась, и я просила сама такую прическу»* (э-02-д). *«Длинные волосы обычно заплетала в косу. Носила в детстве банты»* (э-03-д). *«У меня были длинные волосы. Конечно, я носила и банты, и красивые заколочки»* (э-10-д). *«Каждое утро вплоть до средней школы мама заплетала мне красивые косы: “колоски”, французские, “воздушные” и т.д.»* (э-11-д).

В биографических эссе информанты демонстрировали понимание одежды как внешней оболочки телесности; уже в детском возрасте складывалась устойчивая корреляция между парадным внешним видом и праздничными ритуалами. *«Помню только, что старшая сестра красила мне блеском губы на новогодних «елках» в детском саду и младших классах. Тогда я чувствовала себя неотразимой — в пышном платье и кудрях, ради которых спала на неудобных бигуди»* (э-09-д). *«Иногда на праздники меня красила мама»* (э-07-д).

Для информантов детство ассоциировалось с первым косметическим опытом и первыми экспериментами над внешностью. Первый косметический опыт связывался либо с маминой помадой, либо со специализированной детской косметикой. Некоторые из авторов эссе отмечали, что впервые воспользовались косметикой в три-четыре года. Девочки описывали, как брали помаду у мамы и красились ею, стремясь выглядеть по-взрослому. Интерес к детской косметике появляется в среднем в семь лет: первые покупки детских блесков и теней. Самыми распространёнными средствами были помады, блеск для губ и лак. *«Иногда, когда мама уходила на работу, я брала её помаду и чувствовала себя настоящей женщиной»* (э-05-д). *«У меня был целый портфель-косметичка “принцесса”, где хранились блески для губ, тени, духи и т.д.»* (э-08-д).

В воспоминаниях информанток первые эксперименты над внешностью в детском возрасте в основном подразумевали изменение длины волос и стрижку челки. Формирование первичной гендерной идентичности в детстве объясняет то обстоятельство, что девочки с короткой стрижкой «каре» (в их интерпретации — «мальчишеской») продолжали носить банты, в подобной ситуации маркерами идентичности являлись «девчачьи аксессуары». *«Однажды меня подстригли очень коротко, и это было ужасно. Слава богу, волосы отрасли»*.

Чувствовала себя мальчиком. Но даже с самой короткой прической я все равно носила банты, они мне очень нравились» (э-05–д).

Идеалом красоты для девочек являлась мама. *«И каблуки мамы мерила, и сарафаны, которые мне были в пол»* (э-08 –д). *«Я хотела носить туфли как моя мама»* (э-06 –д). Вместе с тем отдельные информанты отмечали стремление быть похожими на популярных актрис того времени. *«Самый “шик” в моем детстве были украшения, как у Жади из “Клона” по Первому каналу — браслеты с кольцом, соединенными цепочкой»* (э-09–д). *«Во времена моды “Дикого Ангела” мы с сестрой подстригли одинаковые челки, как у главной героини (в форме фигурной скобки)»* (э-09–д).

В качестве эталона детской красоты для информантов выступал и образ принцессы. Девушки не просто вводили образ принцессы в свои нарративы. Они писали о нем как о чем-то идеальном, как о пределе детских фантазий, как о том, что является безукоризненно красивым. *«Всегда в школу я ходила с бантами, мне нравилось, так как я чувствовала себя принцессой, чем больше были бантики, тем лучше я себя чувствовала»* (э-02–д). *«Очень часто на праздники мне дарили именно платья, особенно платья в пол, юбки и другие нарядные костюмы. Для меня это были самые лучшие подарки, можно было спокойно чувствовать себя принцессой»* (э-08–д). *«Волосы я всегда носила длинные, как у принцесс»* (э-09–д).

В период детства информанты «не работали» активно над своей телесностью. Некоторые из них носили корсет для выравнивания спины или пластинку для зубов. Многие девочки занимались в спортивных секциях или хореографией, но делали это не с целью конструирования и усовершенствования своей телесности, а в качестве увлечения.

В целом в биографических эссе информантов детство характеризовалось как период превращения ребенка в девочку, культурно декорированный с помощью пышных детских нарядов, различных аксессуаров (косы, банты, детская косметика). При этом ключевым агентом конструирования телесности (и гендерной идентичности) авторов эссе выступали родители; возрастной этап ассоциировался с первым косметическим опытом и первыми экспериментами над телом. Для части информантов детство выступало и как период появления первых комплексов, связанных с внешностью. Действительно, внешний вид является важным аспектом воплощения и средством, с помощью которого осуществляется работа над возрастом (Laz, 1998).

В нарративах информанток отсутствуют упоминания о наличии на начальных этапах подросткового возраста особых радикальных экспериментов с внешностью. Девушки писали о том, что пренебрегали косметикой и не производили резкой смены имиджа. Экспериментировать с телесностью они начали в пятнадцатилетнем возрасте. В этом возрасте появляется и первый опыт пользования взрослой косметикой. Информанты писали о том, что в основном не предпринимали

особых попыток выделиться с помощью косметики. К числу популярных средств относились тушь, помада, тональный крем, лак для ногтей. *«Экспериментировала с длиной волос и впервые пробовала накрасить глаза»* (э-04–д). *«Косметики почти не было (может, ресницы иногда красила)»* (э-08–д). *«В 14 появился интерес к косметике и вообще уходу за собой, началось все с формы для бровей»* (э-09–д). *«Мой макияж состоял из помады и туши для ресниц»* (э-09–д). Некоторые информанты практиковали мрачные тона в макияже. *«Макияж был темный»* (э-06–д).

Одежда как телесная модификация на подростковом этапе, по описаниям информантов, была спокойных нейтральных оттенков; отсутствовал вызов окружающему миру. *«Я одевалась довольно обычно и просто (преобладал черный цвет)»* (э-02–д). *«Наряды были весьма закрытыми. Короткие юбки не носила. Своим внешним видом никому не бросала вызов. В тот период носила темные тона одежды»* (э-03–д). *«Цветовая гамма состояла из нежных, спокойных либо темных тонов»* (э-04–д).

В биографических эссе девушек подростковая интерпретировалась как период новых телесных практик, которому свойственны стремление к ухоженности, использование взрослых косметических средств (средств для ухода за лицом, ногтями, ногами). Особое внимание уделялось лицу: девушки использовали пенки для умывания, скрабы, крема, что объяснялось появлением возрастных проблем с кожей лица. *«Для ухода за лицом и телом я пользовалась скрабами в связи с особенностью кожи»* (э-01–д). *«Боролась с высыпаниями на коже различными лекарственными средствами»* (э-03–д).

Телесные возрастные изменения информантами воспринимались в основном естественно, девушки обсуждали их с мамой или с подругами. Часть информанток констатировала дискомфорт и стеснение своих новоприобретенных форм. *«Когда мое тело стало меняться, я очень этого стеснялась. Я хотела сквозь землю провалиться»* (э-01–д). *«Нормально и адекватно относилась ко всем изменениям, так как мама мне объяснила все намного раньше, чем эти изменения начались»* (э-02–д). *«Относилась спокойно, с подругами обсуждали телесные изменения»* (э-04–д).

В девичьих нарративах подростковая конструировалась как период влияния сверстников на телесное поведение авторов эссе. Гораздо реже информанты при выборе телесных практик ориентировались на образы массмедиа. Появляется понятие «мода», которое расшифровывалось как распространенность определенных аксессуаров среди сверстников и желание обладать подобными. *«Мои сверстники повлияли на уход за собой»* (э-03–д). *«Как и всем девочкам, просто хотелось выглядеть модно. Поэтому если «Насте из А класса купили “сникерсы”, то я тоже хочу, ибо так было модно»* (э-11–д). Поскольку телесные изменения активно обсуждались в кругу подруг, наличие общих практик уже являлось признаком соответствия норме. *«Об изменениях тела я не задумывалась, часами себя не разглядывала, вообще это все естественно произошло... Возможно, это*

потому, что я не чувствовала себя некрасивой, неинтересной — люди вокруг делали мне комплименты и переживать как-то не было смысла» (э-09-д).

Достижение пятнадцатилетия характеризовалось в нарративах как переход от подросткового нейтралитета в плане телесности к женственному образу молодой девушки. У одних в этот период менялись стилевые пристрастия в одежде, другие отказывались от прежних увлечений, третьи меняли свой привычный макияж и даже сделали первую в своей жизни татуировку. Девочки отказывались от отождествления себя с ребенком и пытались подчеркнуть свою женственность, делая акцент на «девичьих» практиках ухода за собой. *«С 11 до 15 лет я не стремилась к женственности. Мне нравилось то, что я хожу в джинсах и кедах. Но затем я резко поняла, что все это прошло и нужно меняться. Я стала одеваться более женственно, стала следить за собой» (э-09-д).*

У информантов телесные комплексы появились на стыке подросткового периода и юношества. В своих нарративах девушки не только описывали телесные изменения, но и объясняли соответствующий им эмоциональный фон. *«Я задумалась над тем, что у меня есть лишний вес, хотя это и была всего лишь пара килограммов, но это меня долго беспокоило» (э-10-д).* *«Комплекс по поводу подростковых высыпаний заменил комплекс по поводу роста. Высокий рост усиливала худоба. Всегда казалось, что я выгляжу нелепо на фоне подруг среднего роста» (э-11-д).*

Нарративный дискурс репрезентации телесности в период юности сопровождался использованием дефиниций «толстая», «прыщавая», «неуклюжая», коррелирующих с оценкой телесных изменений. Именно в данный возрастной период информанты начинают активно «работать» над собственным телом. *«Моя юность прошла под девизом “Борьба с лишним весом”» (э-10-д).* *«Боролась с высыпаниями на коже различными лекарственными средствами» (э-03-д).* В повествованиях девушек отсутствовало стремление повзрослеть, информанты интерпретировали юность как период формирования представлений о собственном теле, появления комплексов и борьбы с ними, биологической перестройки организма. В нарративах фиксировалось осмысление информантами бытования собственного тела в рамках сложившихся стереотипов о допустимых границах телесных репрезентаций и их повседневных воплощений. В представлениях девушек участие тела в самоидентификации являлось необходимым условием становления Я. На этом этапе активно осваивались новые телесные практики, совершенствовались телесные навыки. *«Юность/подростковость были для меня этапом испытания новых образов, поиска себя» (э-09-д).* *«Период моей юности/подростковости был периодом новых телесных практик, периодом появления комплексов» (э-05-д).*

В целом в биографических эссе информанток подростковость и юность конструировались как период производства новых телесных практик, осваивания телесных навыков, рефлексии и активной работы над собственным

телом. Указанные возрастные этапы маркировались продуцированием практик компетентного ухода за собой, женственности, отсутствием проблематизации телесных возрастных изменений и радикальных телесных экспериментов. В роли ключевых социальных агентов телесных трансформаций выступали сверстники, «группы равных». Информанты стремились встроить свои тела в сложившиеся нормативы «девичьей» телесности, не стремясь перешагнуть к новому возрастному этапу.

Дискурсивное оформление возрастных конструктов детства и подростковости/юности в нарративах имеет отличия. Детские тела контролируются родителями в соответствии с доминирующими в обществе представлениями о «нормативной» детской телесности. Детские телесные практики направлены на усвоение и демонстрацию предписаний для девочек или мальчиков. В подростковом возрасте происходит дальнейшее конструирование гендерной идентичности и маркеров феминности. Телесная трансформация из девочки в девушку подразумевает не только презентацию визуального образа обладательницы женственности, но и определенных техник тела. В детстве вектор индивидуальных телесных проявлений задавался родителями, в подростковом возрасте/юности в телесные дискуссии активно включились сверстники. По мере взросления тело начинает посылать сигналы и требовать осмысления телесного опыта; в детстве ребенок не рефлексирует над собственным внешним видом так, как в подростковом возрасте; его тело послушно, дисциплинировано в соответствии с требованиями контролеров. Тональность телесной рефлексии меняется в эссе информантов от положительных оценок к негативным коннотациям (на смену дефиниции «пухлая» приходит описание «толстая»). В период подростковости/юности комплексы вызваны резкой переменой в привычных телесных образах и обретением похожих, но не соответствующих «норме» черт внешности (Frost, 2005).

В биографических эссе информанты интерпретировали взрослость как обретение ответственности, жизненного опыта, самостоятельность. *«Быть взрослой — это самой принимать решения, решать проблемы и быть ответственной за свои поступки»* (э-03-д). *«Быть взрослой — значит быть полностью подготовленной ко всем жизненным ситуациям»* (э-04-д).

Авторы эссе трактуют молодость как свободу в поступках и выборе жизненного пути, сложный этап самоопределения. *«Молодость — это время мечтаний, свободы»* (э-05-д). *«Быть молодой — это время для разумных решений, но и время совершать необдуманные поступки и ошибки, на которых впоследствии будем учиться»* (э-08-д).

В одних нарративах наличествует страх перед взрослением, в других отсутствует проблематизация возрастных изменений; некоторые информанты переживают по поводу старения родителей. *«Да, меня пугает мое взросление, я со страхом жду своего двадцатилетия»* (э-02-д). *«Я вполне спокойно отношусь к взрослению и не тороплю события»* (э-11-д). *«Я боюсь быстрого течения*

времени, хотя иногда мне хочется, чтобы оно бежало еще быстрее» (э-07-д). «Меня не пугает, что я становлюсь старше, меня пугает, что становятся старше мои родители» (э-05-д).

Отдельные информанты демонстрируют умение управлять возрастными репрезентациями посредством использования техник тела. *«Сейчас все происходит в зависимости от настроения. Я имею в виду, что если я захочу выглядеть старше своих лет, я сделаю яркий макияж, надену каблуки и т.д. А если хочу выглядеть на свой возраст, то, соответственно, будет естественный макияж» (э-08-д).*

В представлениях девушек молодость — это также период изменений в стиле одежды, техниках макияжа. Преобладающие темные цвета подросткового периода уходят из гардероба в пользу нежных оттенков и женственных покроев. Молодость подчеркивается естественным макияжем, комфортной молодежной одеждой. *«Быть молодой — значит быть красивой и без макияжа» (э-03-д). «Вкусы в одежде изменились, в моем гардеробе стали преобладать светлые, нежные оттенки и много платьев» (э-06-д). «Стала спокойнее относиться к отсутствию макияжа. Подростком я бы из дома не вышла без подведенных глаз или с растрепанными волосами» (э-09-д).*

В эссе информантов фиксируется восприятие молодости как этапа репрезентации женственного тела-образа, начальные шаги по конструированию которого были предприняты в период юности; женственность транслируется не только посредством предметов гардероба, но и контуров, очертаний, форм тела. *«Сейчас я считаю свою фигуру женственной и правильной по пропорциям» (э-07-д).*

Для авторов эссе молодость — это период объективного осознания, понимания собственного тела, которому свойственны достоинства и недостатки, фиксация изъянов внешности происходит без признаков негатива и неприязни к себе. *«Мне нравятся моя талия, милое лицо, красивые волосы, в целом форма тела, но мне не нравятся мои большие ноги» (э-01-д). «Мне нравится мой рост, цвет волос, глаз и кожи» (э-07-д).* Для некоторых информантов недовольство внешним видом не повод к активной работе над телом. *«Я бы хотела подтянуть свое тело фитнесом, но пока не могу себя заставить» (э-09-д). «Я бы хотела исправить зубы, но знаю, что носить брекетсы не смогу, буду стесняться» (э-07-д).* В других нарративах циркулирует гордость достигнутым физическим состоянием молодого тела как результатом активной работы над ним. *«Мое тело — результат подростковых изменений и собственных усилий. Диета, спорт» (э-01-д). «Считаю, что и подростковый возраст, и работа над собой играют своё. Я занималась танцами 11 лет, боксом 2 года, легкой атлетикой, легким бегом по утрам, фитнесом, а также домашним спортом» (э-02-д).* Стремление к работе над телом в девичьей среде можно объяснить с позиции концепта индивидуальной идентичности Э. Гидденса. В ходе осуществления саморефлективного проекта индивиды корректируют себя согласно доминирующим стандартам; в условиях позднего

модерна «контролируемое тело является символом безопасного существования в открытой социальной среде» (Giddens, 1991). Забота о внешнем виде является элементом конструирования рефлексивной идентичности.

Ключевым агентом конструирования телесных практик выступает «группа равных». Авторы нарративов ищут вдохновение и в образах медиа. *«Мои однокурсники повлияли на мой стиль одежды, макияж. Я стала присматриваться к ним и стараться не отставать»* (э-07–д). Девушки не готовы к радикальным изменениям своей внешности с помощью хирургического вмешательства, но готовы к борьбе за молодость с помощью различных косметических средств. *«Я готова к борьбе за молодость, буду покупать дорогие средства, ходить на процедуры»* (э-09–д).

В заключительной части повествований информанты соотносили свой реальный возраст с тем, на который они себя ощущают. Авторы эссе в основном определили себя в возрастных границах юности. *«Я себя чувствую сейчас лет на 16–17»* (э-01–д). *«На текущий момент мой возраст соответствует биологическому»* (э-03–д). *«Чувствую себя младше своего возраста года на два-три»* (э-04–д). *«На текущий момент я чувствую себя лет на 30. Моя субъективная оценка никак не соответствует биологическому возрасту»* (э-05–д). Как отмечает Ш. Лаз, существует различие между «функциональным» («социальным») и объективным (хронологическим) возрастом: «люди могут одеваться, казаться, действовать и чувствовать себя старше или моложе хронологического возраста; в повседневном общении мы не просим показать свидетельство о рождении, мы полагаемся на видимые сигналы и социальные статусы» (Laz, 1998).

В нарративах девушек молодость конструируется как свобода в поступках и выборе жизненного пути, сложный этап самоопределения; период предпочтения естественного макияжа и молодежной одежды, репрезентации женственного тела-образа; объективного осознания, понимания собственного тела, которому свойственны достоинства и недостатки; молодое тело интерпретируется как результат подростковых изменений и работы над ним.

Исследование биографических эссе молодых девушек зафиксировало трансформацию телесных репрезентаций возрастных этапов (детство, подростковость/юность, молодость), вариабельность восприятий информантами возрастных изменений в телесном фокусе. Телесная репрезентация детства связана с социальным открытием ребенком своего тела как «тела пола», дети учатся с помощью родителей конструировать половую и гендерную идентичности. Внимание к своему детскому телу возникало у информантов в связи с осознанием своей инаковости, отличия от других тел. Для части авторов эссе подростковые изменения влекли проблематизацию собственной телесности; в период юности совершалась активная работа над телом. Девочки-подростки не стремились к взрослой ухоженности и достижению следующего возрастного этапа, они встраивали свои тела в сложившиеся нормативы «девичьей» телесности. Находясь

на этапе молодости, информанты особо подвержены влиянию «групп равных», обращают внимание на внешнюю атрибутику телесных репрезентаций.

Изучение телесных демонстраций возраста показывает, как молодежь под воздействием объективных факторов (хронологический возраст или физическое состояние), внешних констант и социальных институтов использует и интерпретирует доступные ресурсы работы над возрастом. К тому же репрезентации возраста — это также инструмент и результат социального контроля, возраст не может быть достигнут вне отношений власти, структурных предписаний, доминирующих дискурсов.

Библиографический список

1. Гофман, И. (2000). *Представление себя другим в повседневной жизни*. Москва: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле.
2. Кац, С. (2016). Что такое исследования возраста? *Социология власти*, (1): 252–259. Режим доступа <http://socofover.ranepa.ru/ru/arkhiv-nomerov/17-1-2016-sotsialnye-issledovaniya-biomeditsiny>
3. Фуко, М. (1999). *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы*. Москва: Ad Marginem.
4. Clarke, L.H., Korotchenko, A. (2011). Aging and the body: A review. *Canadian Journal on Aging*, 30 (3), 495–510. doi:10.1017/S0714980811000274
5. Douglas, M. (2003). *Natural Symbols: Exploration in Cosmology*. London and New York: Routledge.
6. Frost, L. (2005). Theorizing the young woman in the body. *Body & Society*, 11 (1), 63–85. doi: 10.1177/1357034X05049851
7. Giddens, A. (1991). *Modernity and Self-Identity. Self and Society in the Late Modern Age*. Cambridge: Polity Press.
8. Gilleard, C., Higgs, P. (2015). Aging, embodiment, and the somatic turn. *Age, Culture, Humanities: An Interdisciplinary Journal*, 1 (2). Retrieved from <http://ageculturehumanities.org/WP/aging-embodiment-and-the-somatic-turn/>
9. Gugutzer, R. (2015). *Soziologie des Körpers*. (5 Aufl.). Bielefeld: Transcript Verlag.
10. Higate, P. (1998). The body resists. Everyday clerking and unmilitary practice. In S. Nettleton, J. Watson (Eds.) *The body in everyday life* (pp.181–198). London and New York: Routledge.
11. Keller, R., Meuser, M. (2017). Alter(n) und vergängliche Körper. In R. Keller, M. Meuser (Hrsg.), *Alter(n) und vergängliche Körper*, (s. 1–12). Wiesbaden: Springer VS. doi: 10.1007/978-3-658-10420-7_1
12. Laz, C. (1998). Act Your Age. *Sociological Forum*, 13(1), 85–113. doi: 10. 1023/A: 1022160015408
13. Mortimer, J. T., Moen, P. (2016). The Changing Social Construction of Age and the Life Course: Precarious Identity and Enactment of “Early” and “Encore” Stages of Adulthood. In M.J. Shanahan, J. T. Mortimer, M. Kirkpatrick Johnson (Eds.) *Handbook of the Life Course* (pp.111–129). Vol. II. Heidelberg, Switzerland: Springer International Publishing. doi: 10.1007/978-3-319-20880-0_5

14. Nakao, Ch. (2016). *Käufliches Alter(n). Konstruktionen subjektiven Alterserlebens in der Marketingkommunikation*. Wiesbaden: Springer VS. doi: 10.1007/978-3-658-12648-3
15. Omelchenko, E. L., Nartova, N., Krupets, Y. (2017). Escaping Youth: Construction of Age by Two Cohorts of Chronologically Young Russian Women. *Young, prepublished March 16*. doi: 10.1177/1103308816680305
16. Phoenix, C., Sparkes, A. C. (2006). Young athletic bodies and narrative maps of aging. *Journal of Aging Studies*, 20 (2), 107–121.
17. Riedel, M. (2017). Alter(n). In R. Gugutzer, G. Klein, M. Meuser (Hrsg.), *Handbuch Körpersoziologie*, (s. 3–16). Wiesbaden: Springer VS. doi: 10.1007/978-3-658-04138-0_1
18. Schroeter, K. R. (2009). Die Normierung alternder Körper. Gouvernementale Aspekte des doing age. In S. van Dyk, S. Lessenich (Hrsg.) *Die jungen Alten. Analysen einer neuen Sozialfigur*, (s. 360–380). Frankfurt/New York: Campus Verlag.
19. Schroeter, K. R. (2014). Verwirklichungen des Alters. In A. Amann, F. Kolland (Hrsg.) *Das erzwungene Paradies des Alters?: Weitere Fragen an eine kritische Gerontologie* (2 Aufl.) (s. 283–318). Wiesbaden: Springer VS. doi: 10.1007/978-3-658-02306-5_13
20. Thomas, H. (2013). *The body and everyday life. The new sociology*. New York: Routledge.

Статья поступила в редакцию 14.05.2017

.....

AGE STRUCTURES IN NARRATIVES OF STUDENTS OF KUBAN STATE UNIVERSITY

Petrova A. Yu., Plotichkina N. V.

Petrova Alisa Yuryevna, Kuban State University, 350040, Russia, Krasnodar region,
Krasnodar, str. Stavropol'skaja, 149. E-mail: cocodex70@gmail.com

Plotichkina Natalia Viktorovna, Kuban State University, 350040, Russia, Krasnodar region,
Krasnodar, str. Stavropol'skaja, 149. E-mail: oochronos@mail.ru.

The practice of corporeal representation of age by students at various stages (childhood, juvenile, adolescence, youth) are considered in the article. The results of studying age constructs are obtained by the qualitative analysis of the informants' biographical essays. Heuristic potential of the biographic method for the analysis of corporeal age representations is shown. The design of an applied research is defined by an interpretation of age as biodemographic reality and result of social designing. The article describes different research directions in the body sociology. The theoretical explication of the term "age" showed existence of various semantic connotations of the concept: objective chronological fact, social problem, individual attribute, self-determining category (subjective feeling of age). Essentialization of scientific discourse concerning the social construction of age differences is carried out; features of sociological interpretation of age as a process and result of interactive work are revealed. The conclusions about age constructs in informants' narratives are formulated. In the biographic essays the childhood period is a stage of the corporeal transformation from child to girl, the discovery of her body as a "body of gender". Adolescence and youth were interpreted by informants as periods of corporeal experiments, mastering new corporeal practices. Differences in the discursive design of age-related constructs of childhood and adolescence / youth in the narratives of informants are pointed out. At the child ages, the vector of individual corporeal manifestations was defined by parents. At adolescence/ youth ages, peers actively joined in corporal discussions. In the girls' esse youth is characterized as a stage of self-determination, the representation of women's body-image, objective reflection and work on the body. The research of biographic essays of young girls

recorded transformation of the corporeal embodiments of age stages, variability of perception by informants of the body age changes.

Key words: age, body, construction of age, youth, childhood, adolescence, youthfulness.

References

1. Clarke, L.H. & Korotchenko, A. (2011). Aging and the body: A review. *Canadian Journal on Aging*, 30 (3), 495–510. doi:10.1017/S0714980811000274
2. Douglas, M. (2003). *Natural Symbols: Exploration in Cosmology*. London and New York: Routledge.
3. Foucault, M. (1999). *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my* [Discipline and Punish: The Birth of the Prison]. Moscow: Ad Marginem.
4. Frost, L. (2005). Theorizing the young woman in the body. *Body & Society*, 11 (1), 63–85. doi: 10.1177/1357034X05049851
5. Giddens, A. (1991). *Modernity and Self-Identity. Self and Society in the Late Modern Age*. Cambridge: Polity Press.
6. Gilleard, C. & Higgs, P. (2015). Aging, embodiment, and the somatic turn. *Age, Culture, Humanities: An Interdisciplinary Journal*, 1 (2). Retrieved from <http://ageculturehumanities.org/WP/aging-embodiment-and-the-somatic-turn/>
7. Goffman, E. (2000). *Predstavlenie sebya drugim v povsednevnoj zhizni* [The Presentation of Self in Everyday Life]. Moscow: Kanon-Press -C, Kuchkovo pole.
8. Gugutzer, R. (2015). *Soziologie des Körpers*. (5 Aufl.). Bielefeld: Transcript Verlag.
9. Higate, P. (1998). The body resists. Everyday clerking and unmilitary practice. In S. Nettleton, J. Watson (Eds.) *The body in everyday life* (pp.181–198). London and New York: Routledge.
10. Katz, S. (2016). Chto takoe issledovaniya vozrasta? [What is Age Studies?]. *Sociologiya vlasti* [Sociology of Power], (1): 252–259. Retrieved from <http://socofpower.ranepa.ru/ru/arkhiv-nomerov/17-1-2016-sotsialnye-issledovaniya-biome-ditsiny>
11. Keller, R. & Meuser, M. (2017). Alter(n) und vergängliche Körper. In R. Keller, M. Meuser (Hrsg.), *Alter(n) und vergängliche Körper*, (s. 1–12). Wiesbaden: Springer VS. doi: 10.1007/978-3-658-10420-7_1
12. Laz, C. (1998). Act Your Age. *Sociological Forum*, 13(1), 85–113. doi: 10. 1023/A: 1022160015408
13. Mortimer, J. T. & Moen, P. (2016). The Changing Social Construction of Age and the Life Course: Precarious Identity and Enactment of “Early” and “Encore” Stages of Adulthood. In M. J. Shanahan, J. T. Mortimer, M. Kirkpatrick Johnson (Eds.) *Handbook of the Life Course* (pp.111–129). Vol. II. Heidelberg, Switzerland: Springer International Publishing. doi: 10.1007/978-3-319-20880-0_5
14. Nakao, Ch. (2016). *Käufliches Alter(n). Konstruktionen subjektiven Alterserlebens in der Marketingkommunikation*. Wiesbaden: Springer VS. doi: 10.1007/ 978-3-658-12648-3
15. Omelchenko, E. L., Nartova, N. & Krupets, Y. (2017). Escaping Youth: Construction of Age by Two Cohorts of Chronologically Young Russian Women. *Young*, prepublished March 16. doi: 10.1177/1103308816680305

16. Phoenix, C. & Sparkes, A. C. (2006). Young athletic bodies and narrative maps of aging. *Journal of Aging Studies*, 20 (2), 107–121.
17. Riedel, M. (2017). Alter(n). In R. Gugutzer, G. Klein, M. Meuser (Hrsg.), *Handbuch Körpersoziologie*, (s. 3–16). Wiesbaden: Springer VS. doi: 10.1007/978-3-658-04138-0_1
18. Schroeter, K. R. (2009). Die Normierung alternder Körper. Gouvernementale Aspekte des doing age. In S. van Dyk, S. Lessenich (Hrsg.) *Die jungen Alten. Analysen einer neuen Sozialfigur*, (s. 360–380). Frankfurt/New York: Campus Verlag.
19. Schroeter, K. R. (2014). Verwirklichungen des Alters. In A. Amann, F. Kolland (Hrsg.) *Das erzwungene Paradies des Alters?: Weitere Fragen an eine kritische Gerontologie* (2 Aufl.) (s. 283–318). Wiesbaden: Springer VS. doi: 10.1007/978-3-658-02306-5_13
20. Thomas, H. (2013). *The body and everyday life. The new sociology*. New York: Routledge.